

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.250

К. СКИННЕР О МЕТОДОЛОГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Критически рассматривая методологию интеллектуальной истории, выражаемую в двух основных подходах – текстуализме и контекстуализме – Скиннер предлагает иную возможную стратегию, именуемую лингвистическим контекстуализмом. Подобный подход подразумевает, что тексты могут быть правильно поняты и истолкованы только при изучении намерений автора посредством анализа лингвистического контекста.

Ключевые слова: интеллектуальная история, контекстуализм, политическая теория, речевой акт, шлокутивный акт.

Квентин Скиннер – пожалуй, самый известный представитель контекстуализма Кембриджской школы. Он утверждает, что для понимания смысла высказываний необходимо сначала поместить их в тот лингвистический контекст, в котором они были сформированы. Как и другие теоретики школы, он отказывался от целого ряда исторических заблуждений – анахронизма, пролепсиса и телеологии, стремясь использовать исторические способы исследования в целях изучения сочинений мыслителей прошлого. Это повлекло за собой обращение с идеями как с аргументами и убеждениями, а не как с бестелесными сущностями [7]. В центре его внимания лежат речевые акты, рассматриваемые как взаимодействия между отдельными высказываниями говорящего и структурными свойствами, присущими языку [5].

Собственная методология Скиннера происходит из сложной смеси аналитической философии языка, воззрений Р.Г. Коллингвуда, идей Л. Витгенштейна и теории речевых актов Дж. Остина [3]. Наиболее значительное влияние, по собственным словам Скиннера, оказали представления Коллингвуда [9], в особенности его отчетливое понимание всякого знания как исторического по своему характеру; метод вопросов-ответов, выражающийся в стремлении рассматривать исследовательскую работу как реконструкцию изменчивых комплексов конкретных вопросов и ответов, специфичных для ситуации; стремление определить конкретный исторический «контекст». Данные идеи легли в основу статьи «Значение и понимание в истории идей» и всей критики истории философии. В то же время, как отмечает ряд исследователей, Скиннер сосредотачивался на определенных страницах и главах работ Коллингвуда, практически не рассматривая аргументацию, содержащуюся на страницах всей «Автобиографии» и очевидно недостаточно подходящую для обоснования собственных утверждений Скин-

нера из-за более идеалистических коннотаций работ Коллингвуда. Тем не менее Скиннер стремился обеспечить «эффективную теоретическую защиту» «подхода Коллингвуда к истории политической мысли» [4].

Другой значимой фигурой для Скиннера являлся Л. Витгенштейн, что также очевидно из «Значения и понимания в истории идей». Именно из философии Витгенштейна Скиннер выводит идею о «смысле»: исследователь должен спрашивать не о предполагаемых значениях слов, а скорее об их употреблении и о смысле их использования в конкретных языковых играх. Скиннеру показалась чрезвычайно привлекательной идея рассматривать язык как целенаправленный дискурс и сосредоточиться на вопросе о намерениях, лежащих в основе его использования в различных жизненных проявлениях и формах [11]. «Я никогда не переставал верить... – что намерения и значения... являются общественным делом, и их следует понимать, не пытаясь залезть в головы действующих лиц прошлого, а просто наблюдая за формами жизни, в рамках которых они действуют» [9, p. 15].

Обратимся непосредственно к работе «Значение и понимание в истории идей». Данная статья вызвала широкую общественную дискуссию как вследствие стиля написания Скиннера, сосредоточенного на подробном рассмотрении длинного списка недостатков философских и социологических утверждений, широко используемых в соответствующих областях исследований того времени, так и вследствие представления собственной методологии [4, p. 22]. Вызов, брошенный работой Скиннера, заключается не просто в отрицании того, что политические теории прошлого когда-либо могут иметь отношение к современности, а в том, чтобы рассмотреть возможную методологию, которая не привела бы к редукции истории политической мысли к вечным доктринам и идеям [14, p. 5].

Для Скиннера ни один из рассматриваемых подходов не позволяет правильно понять литературное или философское произведение, а результатом принятия любой из подобных стратегий является серия концептуальных путаниц и ошибочных эмпирических утверждений. В границах первого способа утверждалось, что именно контекст «религиозных, политических и экономических факторов» определяет значение любого текста и, таким образом, должен обеспечивать «конечную основу» для понимания текста. Представители второго подхода настаивали на автономии самого текста, который предстал как единственный ключ к открытию значения и смысла.

Рассмотрим более подробно критику Скиннером основных стратегий, сформулированных в границах текстуализма. Допущение того, что текст сам по себе является самодостаточным объектом для исследования и понимания, сводит весь смысл исследования к представлению «вечных вопросов и ответов» на них, отраженных в «великих книгах», и, таким образом, к демонстрации их сохраняющейся «актуальности». Историк, рассуждающий подобным образом, стремится продемонстрировать, каким образом классические авторы рассматривали «фундаментальные понятия» и «вечные (perennial) вопросы», следовательно, цель исследований подобного рода за-

ключается в представлении классических произведений, независимо от контекста исторического развития, как попыток изложения универсальных положений о реальности. Постоянная опасность в попытках расширить историческое понимание подобным образом заключается в том, что наши ожидания относительно того, что кто-либо должен сказать или сделать, сами по себе будут определять то, как мы понимаем действующее лицо, даже если он сам не смог бы принять подобное в качестве объяснений своих действий. Кроме того, Скиннер, возрождая формулировку Коллингвуда, подразумевает, что не существует вечных проблем – существуют только индивидуальные ответы на отдельные вопросы и, возможно, столько же разных вопросов, сколько есть их задающих [12, р. 50]. Тем самым любой аргумент неизбежно является локальным или частным и вследствие этого не может достичь уровня абстракции, необходимого для того, чтобы иметь трансисторическое значение. С подобными утверждениями не соглашался Миноуг. Возможно, с точки зрения историка, чья работа состоит в том, чтобы конкретизировать контекст, в котором делается высказывание, вечных идей не существует. Но, как указывает Миноуг, большинство теоретиков действительно верят, что они участвуют в обсуждении вечных идей, поэтому политический теоретик будет использовать высказывания предыдущих авторов как «указатели» для вечных идей. Стремясь сохранить политическим теоретикам возможность продолжать свою работу, но не отказываясь полностью от метода Скиннера, Миноуг предлагает следующий компромисс: любая идея обладает двумя аспектами. Во-первых, это вечное содержание, на котором сосредотачиваются политические теоретики. Во-вторых, специфические выражения и высказывания идеи, которыми занимается интеллектуальный историк. Миноуг считает, что эти два подхода к пониманию идей могут мирно сосуществовать [10].

Скиннер сводит ошибки, которые текстуалисты, сосредоточенные на признании автономии текста, совершали на протяжении многих лет, к четырем основным мифологиям: мифологии доктрин, согласованности (связности), пролепсиса и ограниченности (узости восприятия). Наиболее устойчивой является мифология доктрин. Мифология доктрин принимает две основные формы. Первая состоит в ошибочном принятии некоторых разрозненных или случайных замечаний какого-либо из классических теоретиков за его учение, затрагивающее тему, которую возможно было бы от него ожидать. Вторая форма подразумевает, что писатель, которому не удастся выдвинуть узнаваемую и ясную доктрину по одной из обязательных тем, подвергается критике за свою неспособность сделать это. Основные возражения Скиннера против мифологии доктрин звучат следующим образом. Во-первых, она может привести к переоценке значения «разрозненных или случайных замечаний» в стремлении использовать их в качестве доказательной базы доктрины. Во-вторых, в данном случае автору может приписываться доктрина, которую мы могли бы от него ожидать, без рассмотрения тех вопросов, которые автор на самом деле разрабаты-

вал. Классическим примером здесь выступает приписывание Марсилию Падуанскому принципа разделения властей: он действительно предлагал несколько типично аристотелевских замечаний об исполнительной роли правителя, сопоставляя их с законодательной властью суверенного народа. «Современный комментатор... знаком с учением... согласно которому одним из условий политической свободы является отделение исполнительной власти от законодательной. Исторические истоки подобной доктрины возможно проследить до предположения (впервые выдвинутого примерно через два столетия после смерти Марсилия), что превращение Римской республики в империю продемонстрировало опасность для свободы подданных, поскольку подразумевало под собой единую централизованную политическую власть. Марсилиус, конечно, ничего не знал ни об этих воззрениях, равно как и об уроках, которые можно было из нее извлечь» [12, р. 8–9]. Однако подобного оказывается совершенно недостаточно, чтобы предотвратить бессмысленную дискуссию по вопросу, следует ли считать Марсилиуса автором принципа разделения властей, поскольку даже те эксперты, которые отрицали это, основывали свои выводы на тексте, а не на неуместности подобного предположения в принципе.

Еще одним примером мифологии доктрин является стремление проследить морфологию некоторого учения «во всех областях истории, в которых она появляется». Характерным исходным пунктом в такого рода историях является формирование идеального типа данного учения, например, идей равенства, прогресса, общественного договора, Великой цепи бытия, принципа разделения властей и т. д. Классическим примером подобных воззрений является история идей А. Лавджоя. Особая опасность такого подхода состоит в том, что исследуемая доктрина легко представляется как целостная сущность. Когда историк стремится обнаружить подобные идеи, он очень легко приходит к мысли, что полностью развитая форма какого-либо учения в некотором смысле является имманентной истории. Подобный подход, по Скиннеру, содержит в себе два вида исторического абсурда. Первым является «стремление к приближению к идеальному типу, которое принимает форму не-истории, практически полностью посвященной указаниям на более ранние «предвосхищения» более поздних доктрин». Рассматриваемый таким образом Марсилиус примечателен своим замечательным предвосхищением Макиавелли; трактовка Шефтсбери проблемы теодицеи примечательна предвосхищением Канта. Другой абсурд заключается в бесконечном споре относительно того, действительно ли данная идея возникает в определенное время и существует ли она в произведении того или иного писателя. Другим проявлением мифологии доктрин является стремление приписать классическим теоретикам учения, подходящие для их предмета обсуждения, но которые они никоим образом не затрагивали. Иногда это принимает форму экстраполяции того, что говорили авторы, на предположения относительно тех тем, которые они не рассматривали. Так, Фома Аквинский мог и не высказываться по поводу

гражданского неповиновения, но уж точно не одобрил бы его. Точно так же Марсилией, несомненно, одобрил бы демократию, поскольку суверенитет, который он поддерживал, принадлежал народу [12, р. 13].

Вторая мифология именуется Скиннером мифологией связности. В ее границах ошибочно подразумевается, что все, что написал данный автор, можно представить как понятное и последовательное. Достаточно часто тот или иной классический автор не совсем последователен в своих аргументах; более того, он может даже не приводить систематического изложения своих взглядов. Несмотря на это, историки стремятся обнаружить стройные «системы мысли» там, где нет согласованности и связности, конкретное «сообщение» там, где его нет. К примеру, если есть сомнения относительно «центральных тем» политической философии Гоббса, то обязанностью историка становится обнаружение «внутренней связности учения» посредством прочтения «Левиафана» до тех пор, пока историк не обнаружит, что его аргументация приобретает связность. Хотя случается так, что цели и содержание работ одного автора остаются настолько разными, что не поддаются всем попыткам экзегетов обнаружить связную систему в разрозненных мыслях, это лишь порождает обратную форму исторической нелепости – отсутствие системы становится предметом для укора [12, р. 17–18].

Подобная мифология также получила развитие в двух основных направлениях. Первым является предположение, что в целях извлечения более последовательных сообщений из произведения автора можно не принимать во внимание заявления о намерениях, выраженных самим автором, равно как и целые произведения, которые могут повредить согласованности авторской системы. Примером подобного выступает современная литература – как о Гоббсе, так и о Локке. В ранних работах по этическому и политическому мышлению Локк стремился изложить и защитить явно авторитарную позицию, тем не менее, несмотря на это знание, все работы Локка характеризуются как либеральные. Второе убеждение, порождаемое мифологией когерентности, заключается в следующем: писатель должен продемонстрировать некую «внутреннюю согласованность», поэтому любые очевидные препятствия на пути к этому не могут выступать как реальные барьеры. «Цель, например, при изучении политики Макиавелли... не должна ограничиваться чем-либо столь простым, как например, стремлением указать на развитие мысли и различия в воззрениях мыслителя... Задача заключается в том, чтобы сконструировать для Макиавелли такую схему верований..., чтобы идеи, сформулированные в Государе, могли быть подняты в «Рассуждениях» со всеми кажущимися разрешенными противоречиями» [12, р. 20]. Подобная вера в желательность разрешения противоречий часто защищается на достаточно интересных основаниях. Предполагается, что в любую «эпоху гонений» возникает необходимость скрывать свои менее ортодоксальные взгляды между строк опубликованных произведений. Из этого следует, что если автор, оказавшийся в подобной ситуации, кажется, противоречит сам себе, то исследователи могут подозревать, что кажущееся проти-

воречие было оставлено намеренно и являлось сигналом для его читателей, что он действительно выступает против «ортодоксальных взглядов, которых, как может показаться, он придерживается» [12, р. 21].

Следующей мифологией, рассматриваемой Скиннером, является мифология пролеписа. влекущая за собой анахронистическое приписывание автору намерений, которых он не имел, например, приписывание Петрарке намерения «открыть Ренессанс». Характерной чертой мифологии пролеписа является смешивание необходимой асимметрии между тем значением, о котором может заявлять наблюдатель, и значением самого действия. Другое беспокойство Скиннера относительно анахронизмов связывается с метанарративами. Существует опасность вовлечения отдельных мыслителей в историю и таким образом приписывание их воззрений нарративам, о которых они не подозревали. Во всех этих случаях вопрос формулируется в терминах, недоступных для авторов, поэтому аргументы, которые они выдвигали, вырываются из контекста их возникновения и вносятся в историю, о которой они ничего не знали [12, р. 29].

Еще одним типом мифологии является мифология ограниченности взглядов. Даже когда всем необходимым историческим соображениям придается должное значение, существует вероятность того, что наблюдатель может неправильно описать как смысл, так и предполагаемые отсылки данного произведения. В таком случае опасность заключается в том, что наблюдатель может «увидеть» что-то знакомое в ходе изучения чужого аргумента и привести вводящее в заблуждение, но известное ему описание. Можно привести два примера подобной ограниченности. Во-первых, существует опасность того, что аргументация мыслителя в одной работе может напомнить историку аналогичный аргумент в более ранней работе или может показаться противоречащим ему. Другая форма концептуальной ограниченности, характерной для истории идей, заключается в том, что историк может бессознательно злоупотреблять своей точкой зрения при описании смысла данного произведения. К примеру, «историк может решить, что фундаментальной чертой радикального политического мышления во время английской революции была забота о расширении избирательного права. Затем он может прийти к тому, чтобы осмыслить это характерно “левеллеровское” требование в терминах аргументации в пользу демократии. Возникающей в этой ситуации опасностью будет использование концепции “философии либеральной демократии” в качестве парадигмы для описания и понимания левеллеровского движения, что, с одной стороны, упрощает объяснение идеологии левеллеров, а с другой – вводит в их мышление “концепцию государства всеобщего благосостояния” и “веру в избирательное право мужского населения страны”, которых они не придерживались» [12, р. 27].

Итак, для Скиннера абсолютно неадекватным целям исследования интеллектуальной истории является стремление сосредоточиться исключительно на самом тексте, равно как и изучение того, что каждый классический автор говорил о наиболее известных доктринах, учениях и идеях.

Одним из примеров являются интеллектуальные биографии, в рамках которых часто можно столкнуться со следующей проблемой: буквальные значения ключевых терминов меняются с течением времени, поэтому автор мог сказать нечто совершенно иное по смыслу, чем то, что может прийти в голову читателю. Другой сложностью, связываемой Скиннером с историей идей, является сосредоточение внимания на самой «идее» как на «единице» и «отслеживание великой, но неуловимой темы» либо на протяжении конкретного периода, либо даже «на протяжении многих столетий», как это стремился сделать Лавджой. Любая попытка сосредоточиться на самой идее как на подходящей единице исторического исследования подразумевает под собой скрытую концептуальную путаницу: «Возьмем, к примеру, попытку написать историю идеи nobilitas в эпоху Возрождения... Историк вполне справедливо мог бы начать с указания на то, что значение данного термина определяется тем, что он использовался для обозначения особо ценимого морального качества. Или он мог бы также указать, что этот термин применялся для обозначения принадлежности к определенному социальному классу. На практике же может быть неясно, какое значение мы должны подразумевать в данном случае» [12, р. 35–36]. Еще одна проблема возникает из-за того, что эта двусмысленность искусно использовалась моралистами эпохи Возрождения. Основная ошибка истории идей заключается не только в том, чтобы стремиться обнаружить «сущностный смысл» «идеи» как нечто, что обязательно должно неизменным, но и в том, чтобы мыслить наличие сущностного смысла (в который «вносят свой вклад» отдельные писатели) на каждом шагу.

Вторая методология интеллектуальной истории, критикуемая Скиннером, заключается в следующем. Если является концептуально неправильным концентрироваться на идее или тексте как таковом, то, возможно, лучший подход состоит в том, чтобы изучать не тексты сами по себе, а скорее «контекст произошедшего, который их объясняет» [12, р. 39]. Следует отметить, что проводимое Скиннером разграничение часто подвергалось критике за то, что оно является «искусственной абстракцией» и даже «ложной дихотомией». По мнению ряда авторов, данные различия являются слишком размытой конструкцией, отражающей скорее собственную точку зрения исследователя, чем реальную действительность. П. Кинг, например, утверждал, что ни один из писателей, обсуждаемых Скиннером, не подходит ни под одну из категорий. Д. Буше указывал, что в любой истории политической мысли возможно обнаружить взаимодействие между крайностями текстуализма и контекстуализма, поскольку данные подходы редко встречаются в чистом виде [2].

Хотя в данной статье Скиннер производил впечатление исследователя, одинаково строго противостоящего и текстуализму, и контекстуализму, его собственный подход близок к контекстуалистской позиции, хотя и не идентичен ей. Цель Скиннера, по мнению Тарлтона, состоит в том, чтобы ограничить диапазон альтернативных интерпретаций, для которых

открыты любые произведения прошлого. Это делается путем помещения текста в его надлежащий контекст (каким бы он ни был). По мнению Д. Ганнелл, подход Скиннера «имеет тенденцию обесценивать текст в пользу контекста» [2].

По Скиннеру, несмотря на возможность того, что изучение социального контекста может помочь в понимании текста, основное предположение контекстуальной методологии, состоящее в том, что идеи текста следует понимать в терминах его социального контекста, следует охарактеризовать как ошибочное. Хотя кажется несомненным, что для каждого утверждения должен быть некоторый объяснительный контекст, равно как и для каждого действия (и здесь Скиннер вслед за Остиным рассматривает высказывания как действия), можно усомниться в том, действительно ли знание причин действия эквивалентно пониманию самого действия. Кроме того, концентрация на предполагаемых состояниях действующего лица приводит к игнорированию значительного количества информации, которая должна иметь отношение к любым попыткам объяснения. Следовательно, исследователь должен сосредотачиваться на изучении намерений, и именно намерения и станут одним из ключевых компонентов методологии Скиннера. Когда он пишет об авторских намерениях, он пишет о том, что Дж.Л. Остин называл иллокутивной силой высказывания. Следует отметить, что сама по себе философия языка Остина увлекла Скиннера в 1960-е гг., поскольку казалась ему естественно вытекающей из взглядов Коллингвуда и Витгенштейна [9, р. 16–17].

Введенное Остином понятие «силы» высказывания связано со стремлением выделить особый аспект языка, характеризуемый специфическим вопросом – что человек делает, когда он говорит то, что говорит [1]. Центральным вопросом для Скиннера является «отношение между языковым измерением иллокутивной силы и способностью говорящих использовать это измерение». «Любой писатель, как правило, должен быть вовлечен в акт коммуникации», поэтому «какие бы намерения ни были у данного писателя, они должны быть конвенциональными намерениями в том смысле, что они должны быть узнаваемы как намерения отстаивать какую-то конкретную позицию в обсуждении какой-либо темы или вопроса» [13]. Тем самым, чтобы понять высказывание, историки должны знать о соглашениях, регулирующих обсуждение вопросов, которые оно затрагивает. Следовательно, восстановление предполагаемой иллокутивной силы высказывания требует отдельной формы исследования, которое необходимо предпринять, если цель критика состоит в том, чтобы понять «смысл» соответствующих произведений писателя [13].

Центральное утверждение Скиннера можно сформулировать следующим образом: понимание предполагаемой силы, так же как и смысла высказывания, является важным для понимания текстов и не может быть получено из изучения их социального контекста. Предположим, что историк наткнулся на следующее утверждение в трактате эпохи Возрождения:

«Государь должен научиться не быть добродетельным». Предположим, что смысл и предполагаемые отсылки утверждения совершенно ясны. Предположим даже, что эта ясность является результатом изучения всего социального контекста высказывания, исследования, которое могло бы выявить, скажем, то, что добродетель государей действительно привела в то время к их гибели. Теперь предположим две альтернативные истины относительно самого утверждения: а) такой циничный совет часто предлагался в трактатах эпохи Возрождения; б) вряд ли кто-либо когда-либо публично выдвигал такой циничный совет в качестве наставления. Очевидно, что любой комментатор, желающий понять это утверждение, должен выяснить, какая из этих альтернатив ближе к истине. Если это первый вариант, то сила самого высказывания в уме деятеля, который его произнес, могла заключаться только в том, чтобы одобрить или подчеркнуть общепринятую моральную установку. Но если это второй вариант, то предполагаемая сила высказывания становится больше похожей на отрицание устоявшейся моральной банальности» [12, р. 46]. Очевидно, что оба эти утверждения могут быть правильными, поэтому решение относительно того, какое из них верно, сильно повлияет на понимание того, чего намеревался достичь Макиавелли. Выбор исследовательской стратегии в этой связи не может быть осуществлен ни путем изучения самого высказывания и его значения, ни посредством изучения социального контекста, поскольку сам контекст, очевидно, способен привести к обоим альтернативным речевым актам, и поэтому едва ли можно призывать отвергать одно в пользу другого. То, что необходимо выявить, – каким образом подразумевалось то, что было сказано, и какие отношения устанавливаются между различными утверждениями в одном и том же общем контексте.

Тем самым понимание текстов, по Скиннеру, предполагает понимание как того, что они должны означать, так и того, как это значение должно было быть воспринято, что несет в себе стремление понять намерение автора. Основной целью любой попытки понимания самих высказываний является восстановление сложного намерения со стороны автора. Следовательно, соответствующая методология истории идей должна определить весь спектр сообщений, которые могли бы быть конвенционально осуществлены посредством произнесения данного высказывания, и затем проследить отношения между данным высказыванием и более широким языковым контекстом, для того чтобы декодировать фактический замысел автора. Как только фокус исследования будет являться лингвистическим, а соответствующая методология связываться с восстановлением намерений, изучение всех фактов о социальном контексте данного текста может стать составляющей частью языковой деятельности. При этом фокус Skinnera гораздо менее индивидуалистичен, чем можно было ожидать. Намерение – это не что-то личное, а конкретно заданное в пространстве социальных значений. Таким образом, вопрос о понимании авторских намерений, когда они понимаются в скиннеровском смысле, становится вопросом извле-

чения этих концептуальных структур из текстов. Миноуг, Фемиа и Кин критикуют подобные воззрения Скиннера. Фемиа считает, что намерения автора не имеют значения. Если интеллектуальная история должна иметь какое-то значение в настоящем, утверждает Фемиа, тогда историки должны сосредоточиться на влиянии текста, а не на намерениях автора [6]. Миноуг полагает, что политические теоретики и интеллектуальные историки интересуются двумя разными аспектами текста. Для политического теоретика тексты служат указателями на вечные вопросы, тогда как интеллектуальных историков интересует конкретное высказывание идеи в тексте [10]. Кин указывает, что исследователь не может восстановить намерения автора, потому что интерпретация каждого предвзята, а утверждение обратного ставит историка в привилегированное положение [8].

Рассуждая о ценности изучения истории идей, Скиннер отмечает, что наибольшую значимость здесь принимает возможность диалога между философской дискуссией и историческими свидетельствами при обсуждении как причин действия, так и условий для понимания высказываний [12, р. 49–50]. Любое утверждение неизбежно является воплощением конкретного намерения в конкретном случае, направленного на решение конкретной проблемы, и, таким образом, является специфичным для ситуации. Классические тексты, особенно в области социальной, этической и политической мысли, не обладают существенным сходством, а представляют собой существенное разнообразие моральных предположений и политических обязательств. Более того, именно в этом заключается их существенная философская и даже моральная ценность. Ибо именно тот факт, что классические тексты касаются своих проблем, а не проблем общества, современного для историка, содержит в себе ключ к осознанию ценности изучения истории идей. Знание истории идей, по Скиннеру, позволяет продемонстрировать, в какой степени те черты нашего собственного устройства, которые мы рассматриваем как традиционные или даже «вечные» истины, на самом деле могут быть простыми случайностями истории и социальной структуры. «Обнаружить из истории мысли, что, на самом деле, не существует вневременных понятий, а есть только различные категории, которые ушли с различными обществами, значит открыть общую истину не только о прошлом, но и о нас самих» [11].

Итак, Скиннер сводит ошибки, которые текстуалисты совершали на протяжении многих лет, к четырем основным мифологиям: мифологии доктрин, согласованности, пролеписа и ограниченности взглядов. Данные мифологии вытекают из того факта, что историк идей, обращаясь к воззрениям какого-либо теоретика, неизбежно будет настроен на некоторое изначальное понимание определяющих характеристик сочинений, поэтому зачастую история, написанная с подобных позиций, едва ли может содержать какие-либо подлинно исторические сообщения о том, что действительно мыслилось в прошлом. Стремясь продемонстрировать ошибочность и неадекватность текстуализма, Скиннер выступает против пред-

ставления о том, что прошлые работы содержат «вневременные элементы» или «универсальные идеи». Для него любая попытка восстановить «вечные вопросы и ответы», поставленные в классических книгах, сама по себе является бессмысленной задачей. Интеллектуальная история, по Скиннеру, должна основываться на лингвистическом контекстуализме – изучении намерений автора посредством анализа лингвистического контекста. Следует отметить, что ключевые слова в терминологии Скиннера – намерение, условность и значение – тесно переплетены; намерения можно различить только с точки зрения существующих конвенций, а значения различных действий нельзя отделить от намерений различных акторов. Основная цель любой попытки понять прошедшее высказывание должна состоять в том, чтобы восстановить «сложное намерение» рассматриваемого автора. Надлежащая методология истории идей должна состоять, во-первых, в том, чтобы очертить весь диапазон коммуникаций, которые могли бы быть конвенционально осуществлены в данном случае посредством произнесения данного высказывания, и, во-вторых, проследить отношения между данным высказыванием и этим более широким лингвистическим контекстом, выступающим как средство декодирования фактического намерения автора.

Список литературы

1. Штыров Д.О. Философские и лингвистические основания Кембриджской школы истории идей [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46461330_89930703.pdf (дата обращения: 23.01.2023).
2. Asard E. Quentin Skinner and His Critics: Some Notes on a Methodological Debate [Electronic resource]. URL: <https://journals.lub.lu.se/index.php/st/article/download/3404/2975> (accessed: 24.08.2022).
3. Bell D. Political Theory and the Functions of Intellectual History: a Response to Emmanuel Navon [Electronic resource]. URL: <https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/15245440.pdf> (accessed: 21.01.2023).
4. Bizas K. Cambridge Classics in the History of Ideas Main Studies and Commitments of Method in the Work of Quentin Skinner & John Dunn [Electronic resource]. URL: <https://www.jyu.fi/en/current/archive/2020/10/26-11-2020-ma-konstantinos-bizas-faculty-of-humanities-and-social-sciences-political-science> (accessed: 21.01.2023).
5. Edling M., Mörkenstam U. Quentin Skinner: From Historian of Ideas to Political Scientist [Electronic resource]. URL: https://tidsskrift.dk/scandinavian_political_studies/article/view/32837/31123pdf (accessed: 21.01.2023).
6. Femia J.V. An Historicist Critique of «Revisionist» Methods for Studying the History of Ideas // *History and Theory*. 1981. № 20 (2). P. 113–134
7. Gordon P.E. What is Intellectual History? A Frankly Partisan Introduction to a Frequently Misunderstood Field [Electronic resource]. URL: https://projects.iq.harvard.edu/files/history/files/what_is_intell_history_pgordon_mar2012.pdf (accessed: 26.09.2022).
8. Keane J. More Theses on the Philosophy of History // *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 204–217.

9. Koikkalainen P., Syrjämäki S. On Encountering the Past – Interview with Quentin Skinner [Electronic resource]. URL: <https://journal-redirect.org/articles/abstract/10.7227/R.6.1.4/> (accessed: 21.01.2023).
10. Minogue K.R. Method in Intellectual History: Quentin Skinner's Foundations // *Philosophy*. 1981. Vol. 56. № 218. P. 533–552.
11. Regent N. Quentin Skinner, Contextual Method and Machiavelli's Understanding of Liberty [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09526951211049930?icid=int.sj-abstract.citing-articles.1> (accessed: 21.01.2023).
12. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas [Electronic resource]. URL: <http://people.exeter.ac.uk/sp344/-skinner%20meaning%20and%20understanding%20in%20hist%20ideas.pdf> (accessed: 24.08.2022).
13. Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics* / ed. by J. Tully. Cambridge: Polity Press, 1988. P. 393–408.
14. Whatmore R. Quentin Skinner and the Relevance of Intellectual History [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/34510985/Quentin_Skinner_and_the_Relevance_of_Intellectual_History (accessed: 21.01.2023).

INTELLECTUAL HISTORY: Q. SKINNER'S CONTEXTUALISM

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Critically considering the methodology of intellectual history, expressed in two main approaches – textualism and contextualism, Skinner introduces another possible methodology for this discipline, called linguistic contextualism. Such a strategy implies that texts can only be correctly understood and interpreted by examining the intentions of the author through analysis of the linguistic context.

Keywords: *intellectual history, contextualism, political theory, speech act, illocutionary act.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»; доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Associate Professor of the Department of Philosophy and Psychology with Courses of Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 15.02.2023.